

А. О. Бурцева

ORCID: 0000-0002-9168-6743

✉ alla.burtseva@gmail.com

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР В СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ: ОТ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА К СТАЛИНСКОМУ РАЮ

Аннотация. В статье рассматривается советский проект по созданию национальных литератур на примере Туркменистана в начале — середине 1930-х годов. Привлечение архивных источников (РГАЛИ, АРАН) позволяет пролить свет на туркменскую литературную ситуацию незадолго до юбилея республики (1934) и через некоторое время после него. Остро стояла проблема переводов с туркменского на русский и обратно, а также вопрос о том, насколько зависит и насколько должна зависеть новая туркменская литература от фольклорного наследия. Для Туркменистана был создан план работы, подразумевавший тесное взаимодействие русских и туркменских писателей и ученых-востоковедов. Литераторы были должны не только опираться на фольклор, но и учитывать наследие туркменской классики. Постулировалась необходимость выстроить историю туркменской литературы и перейти от стихотворных произведений к монументальным и прозаическим. Отдельное внимание уделялось женскому творчеству и теме раскрепощения женщины. Предпринимались и попытки обучить писателей литературному мастерству, учитывая национальную специфику региона. Политика 1930-х годов была направлена на «создание» новой национальной литературы, однако специфика региона заставляла вносить определенные коррективы в общесоветский проект.

Ключевые слова: туркменская литература, советская литература 1930-х годов, Союз советских писателей, литературы советской периферии, Ораз Ташназаров, Ходжанепес Чарыев

Для цитирования: Бурцева А. О. Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: от колониального гнета к сталинскому раю // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 303–317. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-303-317>.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2022 г.
Принято к печати 8 августа 2022 г.

A. O. Burtseva

ORCID: 0000-0002-9168-6743

✉ alla.burtseva@gmail.com

*Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

THE CONSTRUCTION OF TURKMEN LITERATURE IN THE USSR IN THE MID-1930s: FROM COLONIAL OPPRESSION TO STALIN'S PARADISE

Abstract. The present article considers the specifics of the Soviet 'national literatures project', as it was implemented in Turkmenistan in the mid-1930s. The article aims to reveal the influence of Soviet cultural policy on the region, the literary context of which has been almost left unanalyzed. Archival sources, such as the Russian State Archive of Literature and Art and the Archive of the Russian Academy of Sciences, provide a clearer view of the Turkmen literary situation in the 1930s, in particular, shortly before and after the 10-year anniversary of the republic in 1934. A plan for literary work, which included collaboration between Russian and Turkmen authors and orientalist scholars, was devised specifically for Turkmenistan. Thus, authors were supposed to learn Turkmen or Russian, respectively, and had not only to rely on folklore, but also to consider the Turkmen classics. The task of constructing a history of Turkmen literature and moving from poetic works to monumental and prosaic ones was postulated as a matter of necessity. Works by women and the topic of women's emancipation were of primary importance, as it was especially relevant for the Central Asian republics. Another tendency was an attempt to teach creative writing, taking the national specifics of the region into account. Overall, the policies of the 1930s were aimed at 'creating' a new national literature; however, due to the particular situation in the region (language barrier, literacy level, particularities of circulation of texts, national identity issues) there had to be certain amendments to the all-Soviet project.

Keywords: Turkmen literature, Soviet literature of the 1930s, the Union of Soviet Writers, national literatures of the USSR, Oraz Taçnazarow, Hojanepes Çaryew

To cite this article: Burtseva, A. O. (2022). The construction of Turkmen literature in the USSR in the mid-1930s: From colonial oppression to Stalin's paradise. *Shagi / Steps*, 8(4), 303–317. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-303-317>.

Received June 24, 2022

Accepted August 8, 2022

© A. O. BURTSEVA

В 1930-е годы внутренняя политика СССР была направлена в том числе на установление прочной связи центра с периферией. Начатый в 1920-е годы проект по формированию национальных республик претерпевал различные изменения¹. Относительно молодая советская идеология искала новые пути влияния в контексте создания нового советского народа. В связи с этим стали развиваться проекты национальных литератур, в том числе в Центральной Азии. На Первом съезде советских писателей политика по развитию национальных литератур закрепились официально, в том числе из-за внимания к ним Максима Горького².

Установка на развитие национальных литератур и книгоиздания в национальных республиках отразилась в документах ОГИЗ. Так, в сентябре 1933 г. в ходе переговоров с национальным сектором ОГИЗ отмечалось:

За прошедшие с момента постановления Ц. К. два года значительно вырос спрос на национальную литературу, как в количественном, так и в качественном отношении, на местах значительно усилилась издательская деятельность нацгизов, выросли новые кадры, укреплена местная полиграфическая база, организованы национальные издательства там, где их в 31 году не было. Значительно возрос контингент индивидуальных заказчиков на национальную книгу (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4742. Л. 2)³.

Издание национальной литературы, разумеется, нуждалось в регулировании. Это породило установку на печатание только актуальной и «отвечающей потребностям определенной национальности» литературы (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4742. Л. 2). Из приведенной формулировки видно, что по крайней мере в начале 1930-х годов официально пока еще речь шла о том, что каждая национальная литература воспринимается как формирующаяся по отдельности от других и обладающая собственными характеристиками. Также, вероятно в силу перебоев с бумагой, работа по выпуску национальной литературы переносилась на места, что должно было способствовать ее более автономному развитию (в этом контексте следует особое внимание уделить взаимодействию центра и периферии).

Особая ситуация в связи с проектом сложилась в Центральной Азии. Она была на тот момент активно осваиваемым советской культурной политикой регионом. Советская пропаганда, с одной стороны, видела своей целью приобщение центральноазиатской культуры к общесоветской, с другой — декларировала деколонизацию региона за счет развития национально-культурного пласта⁴. Выделенные после размежевания республики требовали особого

¹ См. об этом, например, работу Ф. Хирш «Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза» [Хирш 2022], сосредоточенную в основном на судьбе этнографической науки и ее роли в национальной политике СССР. Хотя эта работа вышла 17 лет назад, она проливает свет на сдвиг научной парадигмы относительно национальной политики СССР.

² См. об этом статью [Быстрова 2018]; следует, однако, отметить, что статья имеет не аналитический, а беглый описательный и некритичный характер.

³ Орфография и пунктуация источников при цитировании сохраняются.

⁴ См., например, подробный обзор советской политики модернизации в Казахстане [Абашин 2015]. См. также статью «Культура Полтора» Н. Скакова, который считает, что

пропагандистского контроля. Как замечает американская исследовательница А. Л. Эдгар, «роль Москвы в создании наций была, несомненно, важна», однако «в Центральной Азии представители культурных и политических элит имели свои идеи национального и социалистического и обсуждали их с русскими товарищами на встречах Коммунистической партии, а также между собой в газетах, издаваемых на местных языках» [Edgar 2014: 5] (пер. с англ. наш).

Советский национальный проект в Центральной Азии был сложным сплавом, сочетавшим интересы Москвы и республик. Как отмечает А. Бустанов (со ссылкой на работу [Haugen 2003]), «создание центральноазиатских наций» на фоне размежевания республик было связано и с «размежеванием историй, общего и отдельного прошлого» [Bustanov 2014: 41] (пер. с англ. наш). Если же говорить о литературе, то, как мы увидим, в этом поле также возникал интерес к прошлому и были попытки выстроить (в той или иной степени вовлекая в конструирование памяти о туркменской традиции молодую советскую идеологию) историю восточной словесности. В своей недавней статье Е. А. Добренко отмечает:

Эпическое время фольклора закончилось в Европе рождением авторской литературы. С появлением автора дорога к эпосу была заблокирована навсегда. Творчество стало индивидуальным. В Центральной Азии, однако, этого еще не случилось. Советская власть столкнулась с живой фольклорной традицией и приспособила ее для своих политических задач [Dobrenko 2018: 13] (пер. с англ. наш).

Не оспаривая того, что опора на фольклор была логичным пропагандистским ходом в рамках «создания» таких знаковых фигур, как Джамбул, следует отметить, что литература Центральной Азии не может целиком сводиться к фольклорному пласту. Как мы покажем ниже, советский литературный дискурс середины 1930-х годов этим не ограничивался. Кроме того, когда речь заходит о литературе Центральной Азии, кажется логичным вести речь не об отсутствии авторства, а об иной концепции авторства и циркуляции текстов. Наконец, если вернуться к процитированной выше мысли А. Л. Эдгар, нельзя игнорировать тот пласт литературы, который существовал исключительно на национальном языке без перевода на русский и, соответственно, без включения в общесоветское литературное поле⁵.

Среди проектов национальных по форме и социалистических по содержанию центральноазиатских литератур мы сосредоточимся на проекте туркменской национальной литературы и ситуации вокруг десятилетнего юбилея

«понятие *национального* лишается всякой сущности и превращается в простую оболочку для высшей сущности — социалистического содержания» [Скаков 2020: 119]. Соглашаясь отчасти с этим утверждением, мы тем не менее постараемся показать, что в середине 1930-х годов в Туркменистане местные национальные интенции все еще могли быть воплощены за счет как сохранения интереса к дореволюционной культуре, так и того, что сами «создатели» новой национальной литературы не всегда четко понимали свои задачи.

⁵ О сохранившихся оригинальных машинописях некоего «туркменского сборника» с пометами Г. А. Шенгели см. в статье [Бурцева 2020]. Вслед за К. Холт мы считаем, что вся сложность системы советской многонациональной литературы не должна отменять обращения к конкретным персоналиям как носителям особого символического капитала [Holt 2015: 217].

республики, который отмечался в 1934 г. Удачное совпадение юбилея с временем подготовки к Первому съезду советских писателей позволило выстроить вокруг туркменского проекта особую риторическую парадигму. Здесь следует подчеркнуть, что советская власть была заинтересована не просто в создании умозрительного конструкта новой национальной культуры. В начале — середине 1930-х годов речь шла не только о переводах национальных литератур с туркменского, но и наоборот — о приобщении местного населения к мировой культуре за счет перевода русской литературы на туркменский язык, что подтверждается архивными материалами⁶. Так, к протоколу заседания президиума оргкомитета Союза писателей Туркменской ССР от 9 ноября 1934 г. прикреплен отчет, направленный в оргкомитет Союза советских писателей; помимо прочего, в отчете говорится, что в 1933 г. в переводе с русского на туркменский были изданы «Фурманов — Красный десант, Горький — 9-е января, Коллектив [—] в огне революции, Чехов — Каштанка, В овраге, Павленко — пустыня, Козин — Вожак, Крыленко — Записки ткачихи, Чехов — Палата № 6»⁷ (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 5). Как видно, набор текстов совмещал актуальную советскую литературу о революции и ее предпосылках, советский ориентализм и образцы тех произведений, которые в советском литературоведении относились к критическому реализму. Петр Павленко и Владимир Козин здесь упомянуты не случайно — они давно работали с темой Востока, причем повесть «Пустыня» была написана по материалам поездки писательской бригады в Туркменистан весной 1930 г. *Крыленко* — очевидно, искаженное написание фамилии *Крылова*. Русскоязычная литература, по-видимому, должна была служить не только материалом для освоения, но и образцом для подражания. Так, советскую бригаду писателей в 1930 г. в Туркменистане встречали с большим воодушевлением, проходили чтения произведений, писатели «делились мастерством», и все это освещалось подробно в газете «Туркменская искра», выходившей на русском языке.

Кроме этого, подчеркивалась значимость культурного наследия туркменской дореволюционной литературы, о чем речь пойдет ниже. Продолжалась работа по изучению фольклора. Однако одновременно звучали прямые заяв-

⁶ При этом подразумевалось и обучение русскому языку. Так, В. Клемент указывает на то, что в Туркменистане к 1940 г. «новый советский человек (*täze sowet adamy*) хотя бы немного говорил по-русски и писал на своем родном языке, используя русский [sic!] алфавит» [Clement 2018: 68] (пер. с англ. наш). В начале 1930-х годов, однако, ситуация с русификацией была иной [Ibid.: 69–73]. Здесь следует отметить, что и политика в области литературы отчасти отличалась от языковой, так как в 1934 г. и позже все еще звучала тема «мировой литературы», в том числе на Первом съезде советских писателей [Кларк 2018: 20]. К. Кларк, тем не менее, подчеркивает: «В своем стремлении возглавить “мировую культуру” советский истеблишмент был не уникален» [Там же] (разрядка наша). В этом смысле интерес центра к культуре Центральной Азии и попытки литераторов и критиков выстроить национальную идентичность через историю литературы можно трактовать двояко. С одной стороны, это было очевидное проявление политики интернационализма. С другой — таким образом происходило усиление контроля, воспроизведение в истории литературы региона характерных паттернов, применяемых и для русской литературы, и, наконец, становление мифа о едином советском народе с богатым культурным наследием.

⁷ Впрочем, часть этих произведений написана литераторами, «специализировавшимися» на азиатской теме (П. А. Павленко, В. Р. Козиным).

ления о том, что новую туркменскую литературу требуется «создать», т. е. вырастить новое поколение профессиональных писателей, чье творчество будет отличаться от фольклорного пласта. Например, на Первой конференции по изучению производительных сил Туркменистана (1933) в секции культуры и человека прозвучало следующее высказывание: «Этот поход за культура [sic!] <...> явился мощным стимулом роста творческих сил и создания новой туркменской литературы» (АРАН. Ф. 174. Оп. 8 (1923–1934). Ед. хр. 10. Л. 97–98). Или: «Мы можем создать сейчас действительно серьезную художественную пролетарскую литературу Туркмении» (Там же. Л. 137). Сама по себе концепция «создания» литературы (и новой культуры) прямо противоречила требованию «учиться у классиков», однако принципиальным здесь было отмежевание от «старой культуры» Туркменистана. С одной стороны, советская литературная политика в Центральной Азии должна была продемонстрировать кардинальные изменения по сравнению с досоветской ситуацией, с другой — было очевидно, что «создавать» литературу «на пустом месте» невозможно. Именно с этим связаны противоречия в восприятии поэтов прошлого, о которых речь пойдет далее.

Для Туркменистана был разработан план по развитию национальной литературы. В резолюции по докладам Ораза Таш(ч)назарова⁸ — будущего председателя оргкомитета Союза писателей Туркменской ССР — и профессора-востоковеда Ильи Бороздина говорится о конференции советских писателей Туркменистана (1934), на которой принят следующий план развития:

Конференция считает необходимым <...> оказание всемерной помощи в деле:

- 1/ написания истории туркменской художественной литературы.
- 2/ написания истории социалистического строительства Туркмении <...>
- 3/ создания фундаментальных произведений (романов, повестей, пьес) <...>
- 4/ перехода туркменской литературы на прозаические формы <...> являющиеся наиболее доступными для трудящихся масс.
- 5/ создания высококачественных драматургических произведений <...>
- 6/ создания детской художественной литературы.
- 7/ повышения качества переводов с русского на туркменский и усиления работ по переводам произведений туркменских писателей и поэтов как на русский и другие языки народов СССР, так и на иностранные языки.
- 8/ организация [sic!] бригадных поездок <...> и совместной <...> работы с туркменскими писателями <...> а также поездок писателей Туркмении в другие братские республики
- 9/ <...> увязки писателей с учеными <...>

Конференция считает необходимым <...> обратить внимание писателей <...> на крайнюю желательность изучения ими туркменского языка... (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 17–18).

⁸ В разных источниках его фамилия пишется по-разному.

В этом плане первоочередными и характерными для работы с литературой Центральной Азии были три аспекта: написание истории туркменской художественной литературы, создание фундаментальных произведений и переход на прозаические формы. С одной стороны, эти задачи были связаны с литературной политикой (история литературы должна была ей соответствовать). С другой — советская литература отчаянно нуждалась в собственных классиках. Если в центре это место занимал Горький, то на периферии оно было вакантно. Фундаментальная проза как бы подчеркивала ценность литературы и ее право на существование, а соцреалистический роман был ключевым для советской литературы жанром. В будущем знаковой фигурой для фундаментальной прозы стал Берды Кербабаяев, туркменский писатель, получивший в 1948 г. Сталинскую премию за роман о революции «Решающий шаг». Сталинская премия для писателя с периферии была знаком признания того, что литература Туркменистана в принципе существовала.

История туркменской литературы, конструируемая вокруг юбилея республики, так или иначе должна была отвечать актуальному запросу на ее подверстывание под тематику борьбы с гнетом феодалов. Здесь туркменская критика следовала традиции советского литературоведения этого периода. Приведем утверждение из очерка Ходжанепеса Чарыева⁹ «История туркменской литературы»:

Наша позиция заключается в том, чтобы изучить и критически использовать все полезное <...> не взирая на то, к какой эпохе и к какой общественной формации принадлежит тот или иной поэт. Именно у Махтумкули наши поэты могут многое почерпнуть <...> сейчас практически поставлен вопрос о критическом отборе и издании избранных произведений... (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 44).

Чарыев выделяет и других авторов, однако Махтумкули, поэту XVIII в., который считался зачинателем туркменской классической литературы, традиционно отводится наибольший объем очерка. Именно творчество Махтумкули дошло в письменных источниках, его фигура была (и остается) знаковой для туркменской литературной традиции. И хотя в очерке Чарыева говорится о критическом переосмыслении, то же самое можно было бы сказать о переосмыслении творчества Пушкина в советскую эпоху. Современное сознание требовало новых образцов, но не могло вычеркивать старые, это означало бы полное прерывание культурной традиции, что противоречило бы официальной идеологии равенства народов (знаменитая фраза Сталина о русском народе, первом среди равных, в то время еще не прозвучала).

История туркменской словесности велась от древних эпосов, и в первой половине 1930-х годов активно собирали так называемый фольклор дооктябрьского периода. Работа по сбору фольклора велась и раньше в Институте туркменоведения (централизованно — с середины 1920-х годов). Однако в связи с проектом «создания» национальной литературы она была вновь актуализирована. Подход к сбору фольклора оказывается сопряжен с обработкой текстов туркменских авторов XVIII–XIX вв., например, все в том же очерке Чарыева говорится:

⁹ Первый председатель Союза писателей Туркменской ССР, в 1937 г. репрессирован.

Фольклорной комиссией ССП (Союза советских писателей. — А. Б.) собрано «...» порядочное количество стихотворений Молла Непеса (печатных изданий его нет). Предполагается издание сборника... (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 45).

В связи с этим встает вопрос, можно ли среди фольклорного материала выделить тексты собственно авторского происхождения. В подобном подходе можно усмотреть попытку мистификации, однако не следует забывать о том, что творчество Махтумкули сохранялось и в позднейших письменных источниках. По какому принципу Фольклорная комиссия приписывала те или иные тексты, дошедшие в устной форме, Молла Непесу (Молланепесу), нам неизвестно. Тем не менее здесь подчеркивается опора на предполагаемое авторство. Просто собрать фольклор было недостаточно, необходимо было отыскать традицию, проследить развитие туркменской литературы. Именно это развитие должно было подчеркнуть ее равенство с литературами других республик.

С фольклорной проблемой сопряжен упомянутый переход на прозу. Молодая туркменская литература подавалась как ориентированная на песенный фольклор. В одной из газетных статей И. Н. Бороздина говорится: «Эти писатели идут от народного творчества, от устной поэзии трудящихся, от песнотворчества батраков и пастухов» [Бороздин 1934]. Однако, как видно из попыток выстроить для туркменской литературы классический фундамент, творчества батраков и пастухов было недостаточно. Прозы на том этапе существовало довольно мало, например, рассказ «Последняя ночь» Ата Ниязова (он, в частности, переводил на туркменский язык стихи Пушкина и упомянутую выше «Пустыню» Павленко). Прозаические, а лучше монументальные произведения были важны для конструирования национальной литературы, так как именно они могли считаться признаком ее полноценного развития. С другой стороны, поэзия с ориентацией на фольклор также должна была сохраниться, ведь такое ее состояние подчеркивало связь с творчеством простого народа.

Риторика, касающаяся «создания» туркменской советской литературы, строилась на постоянно повторяющихся определениях. Так, в упомянутой резолюции по докладам Ташназарова и Бороздина упоминается «бурный рост туркменской советской художественной литературы, окрепшей в активной борьбе на два фронта — с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, — и имеющей собственные национальные кадры» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 16). Примерно тот же риторический паттерн реализует Бороздин в упомянутой выше статье:

Советский Туркменистан создал свою молодую туркменскую литературу. Не без труда преодолевались старые литературные традиции, где экзотическая и изощренная форма нередко прикрывала националистические и шовинистические иллюзии. (...) И в литературе давали себя знать различные рецидивы самого махрового национализма, пантюризма и т. п. [Бороздин 1934].

Здесь выделяются два характерных концепта: шовинизм и местный национализм (само по себе слово *шовинизм* изначально подразумевало определение *великодержавный*, однако применительно к Центральной Азии могло

означать, например, пантюркизм). Грань между определениями «националистический» и «национальный» проводится по принципу наличия или отсутствия «социалистических» элементов в творчестве, а также всего того, что могло быть истолковано как сепаратизм. Советская литература, таким образом, пытается, с одной стороны, стимулировать туркменскую, с другой — не давать ей ставить туркменский элемент выше общесоветского. Следует отметить, что советское определение «великодержавного шовинизма», изначально направленное против превосходства русской культуры над остальными, переносится на национальную литературу. В этом, конечно, состоит особенность региона Центральной Азии, где национальная идентичность имела свою сложную историю и до начала 1930-х годов было весьма активно басмаческое движение.

Отдельно стоял вопрос о введении в литературу женщин. В той же статье Бороздин писал:

На литературную арену выступила и женщина-писательница. Так, следует отметить поэтические и прозаические произведения Таушан-Эсеновой и стихотворные дебюты Гюль Шамурадовой [Бороздин 1934].

Такое подчеркивание роли женщины было связано с установкой на ее раскрепощение и освобождение от адата, т. е. исламских норм права (сам по себе адат, разумеется, отличается от шариата, и отношения между ними сложны, однако в статье Бороздина, который, конечно же, об этом знал, этот нюанс не подчеркивается — для пропаганды важно подчеркнуть отсталость любых исламских норм).

Упомянутая здесь Тоушан (Таушан, Товшан) Эсенова стала ключевой фигурой туркменской женской литературы. Она была редактором одного из отделов журнала «Советская литература» («Совет эдебияты»), присутствовала на заседаниях Союза писателей Туркменской ССР.

При этом на встрече туркменских писателей с колхозниками республики и стахановцами фабрики «Трехгорная мануфактура» от лица туркменок говорила не писательница, а некая Энни Гельдыева. Она выступала на туркменском языке. Приведем цитату из ее речи в переводе, выполненном для стенограммы:

Я, говорит, обращаюсь с большой просьбой к инженерам человеческих душ описать туркменок, как она была раньше и как она теперь есть. Описать ее в быту, в прошлом и теперь. О туркменке, говорит, мало написано. Нет таких книг, которые давали бы полное представление о туркменке в прошлом и настоящем (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 20).

Соответственно, перед молодой туркменской литературой ставилась цель такие произведения создать. И непосредственным свидетелем жизни «туркменки в прошлом и настоящем» должна была стать женщина-писательница.

Туркменская национальная литература вместе с тем ощущала необходимость «выучиться» у русской. Так, в одном из писем 1935 г. Чарьев просит «послать нам крупного литературоведа или критика» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 17). Москва выполнила это пожелание, так как сама была заинтересована в осуществ-

лении консультаций местных писателей специалистами из центра (см. упоминание о переходе на прозу и монументальные произведения в цитируемом выше плане по развитию национальной литературы), отправила в Туркменистан литературного критика и журналиста Соломона Пакентрейгера, перед которым была поставлена задача обучить туркменских писателей основам литературоведения и литературного творчества, и платила ему за это 2200 руб., а также командировочные. Это было достаточно крупным вложением, учитывая, что, вероятнее всего, ему был организован полный пансион. Пакентрейгер пробыл в Туркменистане с 10 октября по 25 ноября 1936 г. и предоставил неутешительный отчет.

Критик обращается к проблеме «перехода на прозу» и пишет:

Особый интерес товарищи проявили к теории прозы, теории литературы вообще, т. к. в этой области у некоторых из них есть известная подготовка (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 21).

Однако заимствование всего лучшего у русской литературы, по мнению Пакентрейгера, ведется в недостаточном объеме:

Что же касается самых общих познаний русской литературы, то тут у товарищей много недугов. Не все систематически читали русских классиков. Фактически аудиторию пришлось ознакомить с главнейшими произведениями придворной и просветительской литературы конца 18 века, с характером литературы 19 века <...>

К сожалению приходится констатировать слабую общеобразовательную подготовку товарищей (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 21–22).

Отметим, что «подготовка товарищей» означает знакомство туркменских писателей с русской литературой. Именно в 1936 г., 1 февраля, со страниц «Правды» прозвучали слова Сталина о русском народе, первом среди равных, таким образом, об иерархии уже было заявлено открыто. Постановка вопроса о том, что туркменских писателей должен учить литературный критик из центра на русском языке, говорила сама за себя.

Отдельно Пакентрейгер выделил Ораза Ташназарова и Берды Кербабая — уже достаточно авторитетных на тот момент членов Союза писателей Туркменской ССР. Особенно критика заинтересовал задуманный Кербабеевым исторический роман. Надо сказать, что Кербабая был одним из авторов, которого воспринимали как нуждающегося в «перестроении». В отчете говорится, что «есть у него грехи перед советской властью» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 22). Среди прочих Пакентрейгер упоминает и «двух молодых писательниц» (Там же. Л. 23), однако имен их по неясной причине не называет, что идет в разрез с декларируемой установкой на привлечение женщин в литературу. Отдельно он сожалеет о том, что у туркменских писателей нет прочной связи с РККА (Там же). Таким образом, заявленные установки соответствовали намеченному плану, подразумевавшему создание фундаментальной прозы, введение женщины в литературу и т. п. Что касается связи с РККА, это отвечало общим тенденциям милитаризации литературы в 1930-е годы, формирования так называемой оборонной литературы, подготовки к новой войне.

Туркменская комиссия ССП оказалась недовольна работой Пакентрейгера и обвинила его в отсутствии точного представления о Туркменистане и в поверхностном, отчасти экзотизирующем взгляде на него. Видимо, на данном этапе нужно было защитить репутацию туркменских советских писателей. Кроме того, комиссия осталась недовольна тем, что в цикле лекций полностью отсутствовала дореволюционная туркменская, а также античная литература (и здесь вновь актуализируется опора на традицию). Так, Хаджи-Мурат Мугуев высказался следующим образом:

...лектор должен быть знаком с историей туркменской культуры. Только тогда он сумеет построить свой цикл лекций вполне доступно и интересно для туркменских писателей. Наряду с этим надо указать, что туркменские писатели не овладели древней литературой (Греция и Рим), оказавшей такое большое влияние на литературу Востока. Знают об Аристотеле и Платоне колхозники и кочевники, а писатели совершенно не овладели наследством. Политического, социального движения Туркмении писатели до сих пор не знают. То обстоятельство, что нет овладения этим наследством очень мешает возможности найти творческие формы (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 114. Л. 2).

Таким образом, Туркменская комиссия вновь напоминает, что Туркменистан должен опираться на собственную культуру. Видимо, в 1936 г. мы имеем дело с переломным моментом в выстраивании советской литературной иерархии. Еще не до конца сориентировавшиеся в новом культурном пространстве литературные деятели оперируют стремительно устаревающими для советской национальной политики паттернами. Показательно при этом обращение уже не только к туркменской культуре, но и к античности. Знание о Платоне и Аристотеле, характерное для кочевников (но по какой-то причине не писателей — потомков этих кочевников), становятся не просто признаком образованности, но знаком приобщения к «мировой литературе».

Так, в различных высказываниях о литературе подчеркивалось угнетенное состояние туркменского народа до революции. В статье о туркменской детской литературе (нам не удалось установить, где она была опубликована, тем не менее ее риторика представляется показательной для ситуации Центральной Азии) содержатся такие строки:

Туркмения была колонией царской [sic!] самодержавия, а туркменский бедняцкий класс находился в темноте, нищете и невежестве. Благодаря завоеванию Великой Октябрьской Революции в СССР, Туркмения и туркменский народ стал дышать воздухом равноправной атмосферой [sic!].

Теперь каждый колхозник-туркмен отлично понимает, что он находится в раю Сталинской эпохи, и он понимает и видит на деле, что ему жить стало лучше, жить стало веселее (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 33, 36)¹⁰.

¹⁰ Листы в документе прошиты в неверном порядке.

«Рай сталинской эпохи» оказывается противопоставлен «двойному гнету», который закрепляется как постоянное определение для состояния низших классов в дореволюционной ситуации. Ср. в записях Г. А. Санникова, постоянного члена писательских бригад, направляемых в Туркменистан (речь идет о праздновании юбилея республики):

Это большой праздник народов Ср[едней] Азии которые до революции находились под двоин[ым] гнетом, с од[ной] стор[оны] русск[ого] царизма, с друг[ой] стор[оны] своих феодалов деспотов — ханов, беков, баев, имамов (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2).

Ср. также у Чарыева:

Начиная со второй половины XIX столетия, со времен завоевания Туркмении российскими колонизаторами, все творческие силы «...» были подавлены «...» под двойным гнетом (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 47).

Исходя из этой бинарной оппозиции, видимо, и конструируется новая советская туркменская литература. Конечно, словосочетания «двойной гнет» и «рай сталинской эпохи» были изобретены не специально для нее, однако именно в случае с Туркменистаном подавалась следующая точка зрения: внутренними ее делами до революции никто особенно не интересовался, поэтому «двойной гнет» «феодалов-деспотов» замедлял развитие туркменской национальной культуры. «Рай сталинской эпохи» был призван эту культуру простимулировать, научить, как избегать обвинений в национализме и как стать социалистической по содержанию. Появление таких требований, как переход на прозу, освещение женского вопроса, обращение к фольклорному пласту и авторам прошлого должно было активизировать развитие новой советской туркменской литературы. Все эти аспекты указывают на то, что работа над проектом не велась хаотично, она требовала согласованного плана. Однако к 1936 г., как представляется, разворот сталинской национальной политики привел к замешательству среди идеологов «создания» новой литературной традиции. Разнородные факторы затрудняли работу над проектом, флуктуирующая и отчасти также противоречивая позиция власти, по-видимому, в будущем должна была привести к тому, что проект вернется в локальное русло, и только такие институциональные явления, как Сталинская премия, могли служить знаковым подтверждением его сформированности.

Дальнейшие наблюдения над развитием проекта могут способствовать более отчетливому пониманию сталинской национальной политики в области культуры. Разумеется, данный проект нельзя рассматривать изолированно, горизонтальные связи между литературами советской периферии, сходства и различия в работе каждой из них имеют принципиальное значение — судя по всему, проект советской многонациональной литературы не был однородным по своей сути, как бы этого ни желали его реализаторы. В этой статье мы сосредоточились на институциональных аспектах его становления, однако не стоит забывать о том, что отдельные люди, участвовавшие в нем, могли руко-

водствоваться и личными интересами. Во всяком случае, когда речь заходит о туркменских литературных деятелях, таких как Ходжанепес Чарыев или Ораз Ташназаров (оба они были репрессированы), личное желание встроиться в советское литературное поле нельзя сбрасывать со счетов. До ареста они были местными идеологами проекта, активно выступали в прессе, Ташназаров участвовал в Первом съезде советских писателей. Приведенные выше цитаты из их публичных высказываний, а также тот факт, что инициатива по приглашению литературоведа исходила от представителей туркменской литературной элиты, демонстрируют, что «создание» советской туркменской литературы отвечало интересам не только Москвы, но и местным. Соответственно, должна быть пересмотрена и постколониальная рамка изучения проекта. Следует выяснить, какие местные интересы поддерживались, а какие вытеснялись.

Показательно, однако, что репрессированы были именно идеологи новой туркменской литературы, когда центр стал утрачивать к ней интерес. Возможно, здесь стоит вести речь и том, какая активность на местах была позволительна, а какая нет. Так, знаковая для туркменской литературы писательница Тоушан Эсенова стала символом литературы о раскрепощении женщины, которая неизменно была актуальной из-за сложной ситуации в регионе. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и чисто литературные факторы. Отчаянный поиск «качественной» туркменской литературы, как было видно из приведенных цитат, не мог исчерпываться только ее «политической правильностью». Тексты, которые, по мнению Туркменской комиссии, были достойны перевода на русский язык, должны были соответствовать и художественным задачам, как их понимал Союз писателей. Отсюда и формальные требования к качеству, и рассуждения Пакентрейгера о недостаточной подготовке туркменских писателей, и их обучение на курсах в Москве (в частности, Тоушан Эсеновой), и требование взять что-либо от литературы прошлого.

Важно подчеркнуть, что проект несводим только к идеологической составляющей. В кратком описании наиболее важных его аспектов мы сосредоточились в первую очередь на ней, однако это не означает, что любая литература, отвечавшая идеологическим задачам, могла быть напечатана, тем более на русском языке. Упомянутая желательность изучения писателями туркменского языка также добавляет важный аспект в вопросы перевода. Выполняемый по подстрочникам, он не всегда мог соответствовать содержанию оригинального текста, однако само существование запроса на изучение языка указывает на то, что точность перевода тоже волновала деятелей проекта. Кроме того, в Туркменистане были и свои переводчики, которые владели обоими языками. Перевод на русский давал возможность удовлетворить личные писательские амбиции, его художественные достоинства или недостатки становились предметом обсуждений. А переводы с русского языка на туркменский должны были сформировать связь между литературами центра и периферии и — опять же — служить способом освоения художественного мастерства, как бы оно ни понималось. Таким образом, рассмотренная нами идейная сторона проекта демонстрирует лишь один аспект его сложной структуры.

Сокращения

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва).

Источники

Бороздин 1934 — *Бороздин И.* Художественная литература советской Туркмении // За коммунистическое просвещение. 1934. 8 июля

Литература

- Абашин 2015 — *Абашин С. Н.* Советский кышлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.
- Бурцева 2020 — *Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // Взгляд чужеземца: Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / Под общ. ред. О. В. Хавановой (отв. ред.), А. А. Леонтьевой, К. В. Мельчаковой. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020.
- Быстрова 2018 — *Быстрова О. В.* Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 76–82
- Кларк 2018 — *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Скаков 2020 — *Скаков Н.* Культура Полтора / Пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104–123.
- Хирш 2022 — *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Нов. лит. обозрение, 2022.
- Bustanov 2014 — *Bustanov A.* Soviet Orientalism and the creation of Central Asian nations. London; New York: Routledge, 2014.
- Clement 2018 — *Clement V.* Learning to become Turkmen: Literacy, language, and power, 1914–2014. Pittsburg, PA: Univ. of Pittsburgh Press, 2018.
- Dobrenko 2018 — *Dobrenko E.* Soviet multinational literature: Approaches, problems, and perspectives of study // The literary field under Communist rule / Ed. by A. Jurgutienė, D. Satkauskytė. Brighton, Mass.: Academic Studies Press, 2018. P. 3–17.
- Edgar 2004 — *Edgar A. L.* Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2004.
- Haugen 2003 — *Haugen A.* The establishment of national republics in Soviet Central Asia. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Holt 2015 — *Holt K.* Performing as Soviet Central Asia's source texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936 // Cahiers d'Asie centrale. No. 24. 2015. P. 213–238.

References

- Abashin, S. N. (2015). *Sovetskii kishlak: Mezhdue kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet kishlak: Between colonialism and modernization]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Burtseva, A. O. (2020). Turkmeniia 1930-kh godov glazami sovetskogo pisatel'ia: iazyk i perevod [Soviet Turkmenia through the eyes of the Soviet writer: Language and translation]. In O. V. Khavanova, A. A. Leontyeva, & K. V. Melchakova (Eds.). *Vzgliad chuzhezemtsa: Diplomaty, publitsisty, uchenye-puteshestvenniki mezhdue Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv.* (pp. 269–286). Institut slavianovedeniia RAN; Nestor-Istoriia. (In Russian).

- Bustanov, A. (2014). *Soviet Orientalism and the creation of Central Asian nations*. Routledge.
- Bystrova, O. V. (2018). Vliianie M. Gor'kogo na razvitie natsional'nykh literatur [M. Gorky's influence on the development of national literatures]. *Filologicheskii klass*, 2018(2, no. 52), 76–82. (In Russian).
- Clark, K. (2011). *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Harvard Univ. Press.
- Clement, V. (2018). *Learning to become Turkmen: Literacy, language, and power, 1914–2014*. Univ. of Pittsburgh Press.
- Dobrenko, E. (2018). Soviet multinational literature: Approaches, problems, and perspectives of study. In A. Jurgutienė, & D. Satkauskytė (Eds.). *The literary field under Communist rule* (pp. 3–17). Academic Studies Press.
- Edgar, A. L. (2004). *Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan*. Princeton Univ. Press.
- Haugen, A. (2003). *The establishment of national republics in Soviet Central Asia*. Palgrave Macmillan.
- Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Cornell Univ. Press.
- Holt, K. (2015). Performing as Soviet Central Asia's source texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936. *Cahiers d'Asie centrale*, 24, 213–238.
- Skakov, N. (2020). Culture One and a Half. In A. Glaser, & S. S. Lee (Eds.). *Comintern aesthetics* (pp. 227–254). Univ. of Toronto Press.

* * *

Информация об авторе

Алла Олеговна Бурцева

соискательница степени кандидата
филологических наук, кафедра истории
новейшей русской литературы
и современного литературного процесса,
филологический факультет, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы,
д. 1, стр. 51
Тел.: +7 (495) 939-32-77
✉ alla.burtseva@gmail.com

Information about the author

Alla O. Burtseva

Applicant for Degree of Cand. Sci.
(Philology), Department of History
of the Newest Russian Literature and Current
Literary Process, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1,
Bld. 51
Tel.: +7 (495) 939-32-77
✉ alla.burtseva@gmail.com